

— Что ты здесь делаешь? — Переборов оцепенение, удивлённо моргнул Кирилл и, сойдя со ступеней на пол, подошёл к Статнику и стоящему рядом с ним отцу.

— Давно не виделись, Кирилл. — Улыбнулся мужчина и сделал шаг, чтобы обнять сына, но, тот остановил его, упервшись рукой в грудь и сурово поджав губы.

— Не по моей вине. Так что ты здесь забыл? — Нахмурился юноша, бросая короткий взгляд на наблюдающего за ними Вадима Филипповича, со спины осторожно подошла Валерия.

— Вот, познакомился с ним, рассказал мне очень интересные вещи, хочу поговорить с тобой и с Настасьей. — Сделав вид, что всё в порядке и кивнув на Статника, пожал плечами Анатолий.

— Раньше ты не сильно интересовался моими делами. И не думаю, что мама захочет с тобой разговаривать. — Холодно ответил Кирилл, скрестив руки на груди.

— Не столь важно, в первую очередь я хочу поговорить именно с тобой, мне нужно рассказать тебе очень важную вещь, о которой раньше приходилось умалчивать. — Перестав добродушно улыбаться, посмотрел в глаза сыну Анатолий.

— И о чём же таком серьёзном ты хочешь поговорить? — Слегка заинтригованно уточнил Кирилл.

— Не здесь. — Покосился на Статника отец.

— Анатолий Сергеевич, мы договаривались... — Тронул его за локоть мгновенно подобравшийся военный.

— Да-да-да, я помню о нашем разговоре. — Дёрнул рукой отец и многозначительно посмотрел на сына.

— Ладно, пошли поговорим. — Тут же понял его Кирилл и зашагал в один из коридоров, ведущих вглубь первого этажа.

— Ну и назойливый тип... — Вздохнул Анатолий, как только за ним с сыном закрылась дверь одного из номеров.

— Что такое? Может быть объяснишь, что ты вообще делаешь в подобной компании? — Недовольно поморщился Кирилл, к Вадиму Филипповичу он не испытывал тёплых чувств, сами знаете, почему.

— Приехал вчера вечером, жену переполошил, наговорил всякого, заставил с ним ехать в какой-то кабинет. — Усаживаясь на стул, ответил отец.

— Значит вот как... До матери добраться не могут, решили через тебя зайти... — Задумчиво почесал подбородок юноша.

— Да ты не волнуйся, мы с ними обо всём договорились. — Обнадёживающее махнул рукой отец.

— О чём это вы договорились? — Насторожился Кирилл и пристально посмотрел на него.

— Законники хотели, чтобы я дал тебе несколько, скажем так, советов. Они не знают нашей ситуации в целом, и чтобы ты понял, я должен рассказать тебе правду.

— О какой правде ты талдычишь? Я вот чего понять не могу. С нашей ситуацией всё ясно, ты ушёл, бросил нас с мамой и завёл новую семью, что тут может быть ещё? — Раздражённо мотнул головой парень, повзрослев, он перестал ненавидеть отца, понимая, что насилию мил не будешь, но и особой симпатии тоже не было.

— Вот об этом я и должен сказать... Когда я ушёл, ты был ещё совсем ребёнком и мало что

понимал... — Вздохнув, заговорил Анатолий.

— Мне было одиннадцать. И всё я отлично понимал! — Начиная злиться, огрызнулся Кирилл, невольно сжимая кулаки.

— Если бы понимал, этого разговора сейчас бы не было. — Устало покачал головой Анатолий, и сын увидел в его глазах... Печаль...

— Тогда говори, хватит ходить вокруг да около. — Разжал пальцы и выдохнул парень.

— Хорошо, присядь рядом, я хочу рассказать тебе кое-что о твоей матери. — Кивнул ему на кровать отец и придвинул свой стул ближе.

Великолепно отдохнувшая Анастасия сидела на кровати, поджав под себя одну ногу, обёрнутая в широкое банное полотенце и расчёсывала свои длинные волосы широкой деревянной расчёской. К дверям спальни она сидела спиной и не видела, как ручка бесшумно повернулась и на пороге появился Кирилл. Юноша стоял и смотрел на безмятежно приводящую себя в порядок родительницу, размышая о том, что только что узнал от отца. На тихий звук закрывшейся двери Анастасия среагировала сразу же, быстро обернулась и мягко улыбнулась, заприметив подходящего к кровати сына.

— Мама... Мы можем поговорить? — Задумчиво подошёл Кирилл и присел рядом. Его движения были напряжёнными и скованными, Анастасия с первого взгляда оценила состояние сына и тут же встревожилась.

— Что у тебя произошло, сынок? — Участливо заглядывая в лицо отпрыска, обеспокоенно поинтересовалась она.

— У меня к тебе вопрос... Почему папа нас бросил? — Впервые моргнув за долгое время, повернул лицо и прямо посмотрел матери в глаза Кирилл...

— О чём ты? — Растерялась Анастасия, никак не ожидавшая подобного.

— Я помню, ты мне не раз говорила, что отец ушёл к другой. Не могла бы рассказать подробнее? — Медленно и бесшумно вдыхая и выдыхая становящийся кислым воздух, попросил парень.

— Сынок, что происходит? Почему ты заговорил об этом сейчас? — Всерёз заволновалась женщина.

— Ты можешь просто ответить? — Проигнорировав её вопрос, настоял на своём Кирилл.

— В жизни так бывает... Люди разводятся... Толя нашёл себе новую жену и ушёл, я ничего не смогла поделать... — Опустив глаза, ответила Анастасия.

— Мама, я хочу услышать правду. — Прервал её сын грубо и в голосе промелькнула сдерживаемая до сего момента злость.

— Это... Правда... — Понизив голос почти до шёпота, пробормотала та и увидела, что сын ей больше не верит.

— Действительно? А у меня на этот счёт есть другая информация. — Процедил Кирилл, скомкав покрывало в кулаке, а по стенам спальни прошла небольшая волна, хрустальная люстра на потолке задребезжала.

— Кирил! Прекрати! Он ушёл... Бросил нас... Я понимаю, тебе было тяжело без отца, но... — Юноша всё же не сдержался и Анастасию прервала несильная пощёчина. Женщина поражённо вытаращила глаза и медленно поднесла пальцы к лицу, прикасаясь к начинаяющей розоветь коже.

— Прекрати мне врать. Я только что говорил с отцом. — Зло прорычал парень, лицо его исказила гримаса гнева, а глаза подёрнулись знакомой серо-зелёной мутью, Анастасия

побледнела.

— Что... Как... Он не мог... — Не веря собственным ушам забормотала она, глядя на злого как все черти преисподней сына.

— Твоя угроза перестала быть актуальной, и он всё рассказал. — Буквально выплюнул свои слова ей в лицо Кирилл и Анастасия отшатнулась, столько злобы и ярости было в таких родных и ранее любящих глазах.

— Кирилл... Кирюшенька... Миленький мой... Я объясню... Я всё тебе объясню... — Быстро и горячо заговорила мать, пытаясь ладонями обнять лицо сына, но, тот лишь оттолкнул её и резко поднялся.

— Значит это правда. — Отошёл к окну парень, уперся ладонями в подоконник и с болью посмотрел на вертолёт на краю острова, отлично видимый из окна спальни. Стекло под его взглядом начало покрываться частой сетью трещин и, испещрённое эдакой паутиной, со звонящим шелестом опало вниз, покрывая руки острыми кристаллами.

— Нет! Ты не понимаешь! Всё не так просто! — С подступающей паникой вскочила и бросилась к нему Анастасия, но, развернувшись, сын вновь ударил её, заставив упасть на колени и разрыдаться. Отняв руки от лица, женщина с ужасом увидела кровь на своих ладонях и медленно, вздрагивая при каждом ударе сердца, подняла голову, всхлипывая посмотрела на возвышающегося перед ней сына. Руки юноши были покрыты глубокими царапинами, из которых сочилась ярко алая кровь, стекала по коже вниз и, скапливаясь на кончиках пальцев, тяжёлыми каплями срываалась на паркет. Кирилл не чувствовал боли в порезанных руках, он неотрывно глядел в лицо матери, испачканное его собственной кровью и осознание того, что она девять долгих лет лгала ему, культивируя неприязнь к отцу, порождало огромное желание бить её вновь и вновь, пока не перестанет кричать, а потом и дышать.

С огромным трудом переборов это дикое, первобытное желание, юноша подошёл ближе и, запустив ладонь в густую шевелюру матери, с силой сжал пальцы, натягивая кожу и вызывая болезненный вскрик.

— Ты могла поступить по-другому. — Еле сдерживаясь, прошипел он ей прямо в лицо, наклонившись и приблизившись почти вплотную. Анастасии вновь стало страшно, правда, которую она желала скрыть любой ценой, неожиданно вырвалась наружу и теперь Кирилл злился, злился на неё и ничто не мешало ему выплеснуть свою ярость. — Прости... Прости меня, сыночек... Я умоляю... — Изо всех сил стараясь сдержать подступившую к горлу истерику, зарыдала она, не делая попыток вырваться или подняться.

— Простить девять лет без отца?! Простить твои паршивые байки, что диктовала мне как мантру!? Простить!? — Заорал Кирилл, дёргая голову Анастасии, то и дело замахиваясь, но, в последний миг останавливая ладонь.

Анастасия зажмурилась и с ужасом ждала своей участи, но, перестав трясти, Кирилл остановился и тяжело засопел.

— Собирай свои вещи. — Разжав ладонь, жёстко произнёс он и от этих его слов всё внутри Анастасии сжалось и перевернулось.

— Нет! Не надо! Прости! Умоляю тебя, сынок! — Зарыдала сильнее она, обнимая колени сына руками и прижимаясь грудью, не желая отпускать, не желая уходить.

— Я тебе больше не верю. Убирайся прочь! — Выкрикнул юноша, стараясь отодрать от себя вцепившуюся мёртвой хваткой родительницу.

— Нет! Не уйду! Не брошу тебя! Ни за что! — Уже в истерике, захлебываясь слезами и соплями, еле разборчиво провыла Анастасия, и, не смотря на ситуацию, от подобного её вида, у Кирилла вновь начал вставать член.

— На что ты готова, чтобы искупить свою вину? — Утратив бытую уверенность, он за волосы оттянул голову матери и другой рукой цепко схватил за подбородок.

— На всё! Кирилл! На всё! Умоляю... Прости... — Рыдая, ответила та и разжала руки.

— Расстёгивай. — Зло скомандовал парень, для наглядности тыкая мать лицом в свой пах, она тут же начала расстёгивать пряжку его ремня дрожащими руками, а как только справилась с этой задачей, жадно обхватила губами появившуюся перед лицом налитую кровью головку, торопясь хоть немного загладить свою вину.

— Нет, сука, ты у меня так легко не отделаешься. — Ощущая, с каким рвением мать работает ртом, прорычал Кирилл и с силой нажал на её затылок, не давая ни секунды на подготовку. Член прошёл до упора и уткнулся в горло, Анастасия дёрнулась и проглотила, позволяя ворваться в горло и перекрыть дыхание.

От движений Анастасии, полотенце на груди ослабло и упало, оставив женщину полностью обнажённой, а Кирилл наслаждался её муками и полной беспомощностью. Она упиралась ладонями в его бёдра, стараясь вырваться из захвата, но, он сжал её голову обеими руками, оставляя на волосах кровь, и жёстко долбил в горло, не вынимая члена и не позволяя вдохнуть. Мама хрипела, из глаз её ручьями струились слёзы, а слюна из широко распахнутого рта стекала по подбородку на грудь, растекаясь там блестящими потёками. Заметив, что попытки освободиться начали ослабевать, а взгляд мутнеть, Кирилл резко вынул член и сделал шаг назад, позволяя матери упасть пол и закашляться, жадно хватая ртом такой желанный воздух.

Испуганная, дезориентированная, Анастасия почти перестала понимать, что происходит, и только наплывшая на глаза пелена начала спадать, сын вновь подошёл и вновь его пальцы схватили её волосы, заставляя подняться на колени, а скользкая от её слюны головка ткнулась в плотно сжатые губы. Рассусоливать и миндальничать парень не стал, с силой ударил мать по лицу, перемешивая с её соплями и слезами свою кровь. Анастасия замычала, принялась мотать головой и попыталась закрыться руками, но, это не помогло. Поймав её подбородок, Кирилл жёстко надавил большим и указательными пальцами на щёки, заставляя открыть рот, а когда добился своего, вновь одним толчком загнал член по самые яйца, прижав покрасневший от плача нос матери к лобку. Паникующая, обнажённая, стоящая на коленях, Анастасия вновь потеряла возможность дышать. Член сына грубо и властно двигался у неё в горле, причиняя не дискомфорт, а боль. Расслабиться в такой обстановке она не могла, и это было не принуждением, а фактически изнасилованием. Родной сын насиловал её в горло, наказывая за ложь и с удовольствием наблюдая за её страданиями.

Так продолжалось достаточно долго, урывками, с перерывами на глоток воздуха и вновь член заполнял горло матери, а глаза парня блестели жестоким удовлетворением. Заметив, что мать к пятому разу уже приловчилась и теперь пытается вдохнуть побольше воздуха перед заходом, чтобы подольше не задыхаться, Кирилл толкнул ревущую женщину на пол и отошёл к кровати, на ходу снимая рубашку.

— Иди сюда. — Жёстко приказал он, полностью обнажившись. Не посмев ослушаться, Анастасия, горько рыдая, на карачках поползла к ногам сына, что стоял и ждал, когда она исполнит приказ.

— Поднимайся, сучка, хватит тут ползать. — Поторопливая, дёрнул её за волосы Кирилл и женщина встала, слегка покачиваясь на подкашивающихся ногах.

— Прекрати реветь. — Брезгливо глядя на её рыдания, поморщился парень. Слёзы душили Анастасию, она не могла просто прекратить свою истерику, но, её прекратил Кирилл. Уже проверенная оплеуха заставила женщину заткнуться, а сын придержал её, чтобы не вздумала снова упасть.

— Ещё раз завоешь, буду бить, пока не устану, поняла? — Зло сказал парень и сжал кулаки. Зажимая ладонями рот и давясь слезами, мать судорожно кивнула.

— Руки за голову. — Шлёпнул Анастасию по руке Кирилл и та подняла дрожащие руки, сцепив пальцы в замок за головой.

— Вот так, молодец, не горбись мне тут, грудь вперёд. — Хлопая ладонью по спине, Кирилл заставил мать выпрямиться. Та подчинялась, всхлипывая и стараясь сдерживать слёзы.

— Лгунья хочет, чтобы её наказали? — Со злой издёвкой спросил Кирилл и, не дождавшись ответа, пошлёпал Анастасию по щеке.

— Я не слышу ответа. Хочешь, чтобы я наказал тебя? — Прибавив в голос угрожающих интонаций повторил он. Заполненным надеждой взглядом, женщина посмотрела в пылающие злостью и возбуждением глаза сына и, не найдя там жалости или сострадания, обречённо кивнула.

— Молодец, правильный выбор. — Недобро улыбнувшись, Кирилл ласково погладил Анастасию по голове, приглаживая и поправляя растрёпанные волосы, а в следующую секунду опустил руку и цепко ухватил левый сосок. Мама ощутила, как сын нежно и бережно слегка приминает комочек плоти, от которого по телу пробегают нервные импульсы, заставляющие волоски на теле подниматься дыбом.

Это будоражащее сознание и возбуждающее чувство продлилось не больше пяти секунд, а потом Кирилл без предупреждения сжал пальцы сильнее, одновременно поворачивая кисть по часовой стрелке и оттягивая её на себя. Повисшую было в спальне тишину разорвал громкий крик боли, который женщина не смогла сдержать, всем телом подаваясь за влекущей её вперёд рукой сына.

— Стой на месте, не смей двигаться. И верни руки на место. — Дождавшись, пока вновь начавшая рыдать мама не перестанет кричать, не повышая голоса приказал Кирилл и женщина разжала пальцы, рефлекторно вцепившиеся в его запястье.

— Ещё раз дёрнешься, и можешь идти собирать вещи. Ты поняла? — Не отпуская сосок, чуть-чуть повернул его в обратную сторону юноша.

— Да... Сынок... Я поняла... — Жмуясь от боли и слегка мотая головой, отрывисто ответила Анастасия.

Удовлетворенно кивнув, парень сделал маленький шажок в сторону и, наклонившись, поймал губами второй сосок, который доселе выглядел сиротливым беспризорником. Анастасия начала выгибаться в талии и, закусив до крови губу, мычать, запрокидывая голову назад, когда Кирилл начал без жалости покусывать такую нежную и чувствительную часть её тела. Правая рука юноши помнила о своих обязанностях и уверенно играла с левым соском, а другой рукой он немного приподнимал вторую грудь снизу, чтобы было удобнее мучать её зубами. Анастасия почувствовала, как сын, прикусив сосок у основания, нагнал в него крови и быстро щекотал кончиком языка, заставляя дрожать и выгибаться, подаваясь ближе, почти не обращая внимания на боль. Она и раньше была полностью в его руках, не имея

возможности отказать в сексе, но, сейчас сын открыто демонстрировал свою власть, намеренно причиняя боль, наказывая.

Довольно урча, Кирилл оторвал губы от так понравившегося ему соска и, помедлив мгновение, разжал пальцы на втором. Анастасия уже было решила, что всё закончилось, но, наткнувшись на взгляд сына с разгорающимися в нём искрами безумия, нервно сглотнула. Парень остановился не потому что наигрался, а из-за того, что наказание начало приносить его жертве удовольствие, этого следовало избежать любой ценой. Повинуясь его воле, верхний слой потолка словно стал жидким, стянулся в две небольшие области и начал стекать вниз словно слизь, тянувшимися от самого основания каплями. Нижние, самые объёмные части этих капель достигли головы Анастасии и, словно живые, легли на ладони, которые та послушно держала на затылке, принялись обволакивать их, достигая середины предплечья. Не понимая, что происходит, женщина испуганно замотала головой, а в следующую секунду оказалась распята перед сыном, основания импровизированных канатов разъехались на потолке в разные стороны, заставляя Анастасию широко расставить руки и приподнять их.

— Сейчас мы приступим к наказанию. — Поймав глазами её испуганный и запорошенный взгляд, пообещал Кирилл и погладил свой напряжённый, начинающей слегка побаливать член, который так и рвался в такую горячую и доступную щель матери. Не правильно поняв его жест, Анастасия мысленно выдохнула, надеясь, что сын сейчас вновь поимеет её и успокоится, но, Кирилл заставил удивиться, отставив в сторону раскрытую ладонь, в которую стремительно прыгнул ремень, вырвавшийся из петель сброшенных у окна брюк.

— Нет... Кирюша... Не надо! — В панике замотав головой, воскликнула женщина и попыталась сдвинуться с места. Задница её отодвинулась назад, она изо всех сил пыталась попятиться, но, оковы держали надёжно и пятки то и дело соскальзывали на паркете, возвращаясь на прежнее место. Похлопывая ремнём по раскрытой ладони и злорадно усмехаясь, парень наблюдал за бесплодными попытками матери избежать своей участи, а когда она остановилась и жалобно посмотрела, прочёл мольбу в глазах.

— Можешь даже не пытаться, от меня не сбежать. — Дикая, первобытная ярость начала проходить и на её место вставало чувство полного превосходства. Анастасия прекратила свои потуги и замерла, изо всех сил зажмутившись и ожидая удара.

— Скажи мне, мамочка, ты раскаиваешься в том, что солгала мне? — Подойдя вплотную, коснулся изгибом ремня тонкой и нежной кожи живота Анастасии Кирилл. По телу женщины пробежали мурашки, Кирилл медленно повёл ремнём вниз, словно рисуя линию и опуская его к лобку.

— Я хочу, чтобы ты отвечала, когда я спрашиваю. — Приблизившись так, что соски Анастасии коснулись его груди, спросил юноша, ощущая напряжённое и обжигающее горячее дыхание матери на щеке.

— Д-д-да... Я раскаиваюсь... Кирилл, прекрати пожалуйста. — Поняв, что сын начал диалог, робко открыла глаза Анастасия.

— Ты раскаиваешься, потому что поняла, что поступила неправильно, или потому что я поймал тебя на твоей брехне? — Понижая голос почти до шёпота, вкрадчиво задал вопрос парень, а ремень закончил своё путешествие, остановившись на беззащитных половых губах женщины, слегка массируя их, потирая и показывая, кому эта женщина принадлежит.

— Я... Я была не права, сынок... Прости меня по... — Воодушевившись, дрожащим голосом заговорила Анастасия.

— Лжёшь, ты снова лжёшь мне. — Стиснув зубы, прощедил парень и, шагнув в сторону, взмахнул рукой и опустил ремень на бедро матери. Анастасия закричала, начала извиваться словно змея и вновь засучила пятками по полу, истошно воя и закатывая глаза. На её бедре розовел и всё сильнее и сильнее наливался отпечаток ремня, а Кирилл наблюдал за её страданиями, легко подрачивая член.

— Тебе понравилось? Хочешь ещё? — Грубо хватая мать за задницу и притягивая её пах к своему, спросил Кирилл.

— Нет! Кирилл! Прекрати!! Остановись!!! — Не выдержав и забившись в истерику, закричала ему в лицо Анастасия. Слезинка, сорвавшаяся с кончика её носа, пролетела разделяющие их сантиметры и упала на щеку юноши, он отпустил ягодицы матери, медленно поднёс руку к лицу, собрав капельку влаги пальцем и облизал, ощущая солёный, но такой сладкий вкус.

— Не правильный ответ. Тебе должно нравиться всё, что я с тобой делаю. — Уже донельзя возбуждённый происходящим, заявил он и вновь взмахнул ремнём. И снова крик боли и отчаяния отразился от стен комнаты, не имея ни единого шанса просочится наружу, и снова беззащитное тело женщины выгибается дугой, а ноги сучат по полу от непереносимой боли. Уже не останавливаясь, Кирилл размахивал ремнём из стороны в сторону, рисуя на обнажённом теле провинившейся матери беспорядочный узор. Вот покрылся красными полосами живот, затем грудь заалела отпечатками ремня и даже несколько отметин подмышками появились от энергичных и уже не сдерживаемых здравым смыслом ударов.

Парень остановился лишь тогда, когда уже не в силах кричать, Анастасия безвольной куклой повисла на руках, запрокинув голову назад и приоткрыв рот. По бёдрам её зажурчала характерно пахнущая струя, разливаясь по паркету лужей, а Кирилл, отбросив ремень на кровать и схватившись за волосы лишь возбуждённо дышал, словно наркоман, получивший дозу самого лучшего и самого сильного наркотика. Эйфория, овладевшая юношой в тот момент, не шла ни в какое сравнение ни с чем пережитым раньше. Истерзанная и потерявшая сознание от боли мать, одними лишь своими чувствами и видом доставила ему такое удовольствие, что он начал бурно кончать, лишь прикоснувшись к готовому лопнуть члену. Этот оргазм Кирилл прочувствовал каждой клеточкой своего тела. Струи густой и горячей спермы падали на паркет, а он рычал, до боли стискивая зубы и наслаждаясь каждым мгновением этого ошеломительного и всепоглощающего чувства.

В себя парень пришёл стоя на коленях и покачивая головой. Член, крепко зажатый в кулаке уже прекратил фонтанировать спермой и теперь постепенно уменьшался в размерах, а перед глазами всё слегка плыло и покачивалось. Подняв голову, Кирилл посмотрел на всё ещё висящую без сознания маму и словно невидимая стальная ладонь сжала его сердце. Вскочив и чуть не поскользнувшись на собственной сперме, он побежал к ней и торопливо приложил пальцы к сонной артерии. Несколько долгих мгновений панического ожидания и облегчённый выдох. Всё хорошо, она просто без сознания, ничего непоправимого не произошло. Смахнув со лба мгновенно выступивший липкий пот, парень ещё раз помотал головой, окончательно прогоняя туман, застилающий глаза и внимательно осмотрел творение рук своих.

Кончив и утратив большую часть возбуждения, он ужаснулся собственной жестокости и, раскаиваясь в содеянном, начал лихорадочно превращать в Материю всё что видел. Его брюки, рубашка, брошенный на покрывало ремень, всё это взмыло в воздух полупрозрачным гелем. Даже моча, лужей разлитая под бесчувственной родительницей стала общей частью

исходного материала. Убирая всё с пола, Кирилл попутно очистил и мамино тело, весь пот, остатки мочи на ногах и даже слёзы стали летающим гелем, оставив тело абсолютно чистым, и лишь алеющие следы от ремня обезображивали эту нежную бархатную кожу. Фантазия парня, подстёгнутая желанием, заставила Материю подлететь к висящей на руках Анастасии и начать обволакивать её толстой плёнкой. Вскоре свободными были лишь ноздри женщины, а Сила начала творить чудеса, заставляя частички Материи впитываться в кожу там, где это необходимо и восстанавливая повреждённые участки. Не прошло и минуты, как от ужасных отметин не осталось и следа, впервые испытавший свои возможности на живом человеке, Кирилл неверяще провёл пальцами по груди матери в том месте, где до этого краснела полоса от удара.

Уже сейчас, глядя на восстановившуюся маму, парень обратил внимание на собственные руки, торопливо сунул их в остатки Материи, собравшейся в компактный шар и почувствовал, как ранки начинают чесаться, а через несколько секунд прекратилось и это. Обойдя мать со спины, юноша аккуратно обвил мамину талию исцелёнными руками и, подчиняясь его мыслям, потолок вернулся в исходное состояние, послушно отпуская свою жертву. Уложив безвольное тело на кровать, Кирилл ещё раз проверил пульс, на всякий случай приложил ухо к груди, слушая как ровно и спокойно бьётся сердце, до этого колотящееся словно бешеное, окончательно успокоился и, поцеловав маму в щеку, укрыл её одеялом. Стоя перед дверью и дожидаясь, когда Материя сформируется на нём в одежду, юноша обернулся и с болью в глазах посмотрел на спокойную, словно спящую Анастасию, уверенно толкнул створки и решительно вышел в коридор.

— Чего так долго? — Сел на кровати Анатолий, увидев входящего в номер Кирилла. Сын был задумчивым и подавленным, вся его ярость и решимость, с которой он выбежал после его рассказа словно улетучилась.

— Не твоё дело. — Думая о чём-то своём, помотал головой он и, опомнившись, посмотрел на отца.

— Ну что? Мои слова подтвердились? Она сказала тебе правду? Или снова наврала с три короба, плетя свои интриги? — Пропустив грубость сына мимо ушей, подался вперёд отец.

— Да, подтвердила. — Поджав губы, кивнул Кирилл и хмуро посмотрел на отца.

— Вот видишь, а ты верить не хотел. Эта лживая сука украла у нас с тобой девять лет сы... — Воодушевлённо потёр ладони Анатолий.

— Замолчи. — Коротко прервал его Кирилл и, сжав кулаки, сурово уставился на удивлённо нахмутившегося отца.

— Не смей в таком тоне говорить о маме.

— Но... Ты же теперь знаешь правду... Как ты можешь защищать эту... — Недоумевающе вздёрнул брови мужчина и осёкся, столкнувшись взглядом с холодными глазами сына.

— Да, теперь я знаю правду, но, ещё я знаю, как мы жили до твоего ухода и после. Мама выгнала тебя не просто так, ты сам в этом виноват, если бы не твои постоянные выходки, мы бы до сих пор спокойно жили одной семьёй. Мама поступила верно, и единственная её вина в том, что она скрыла от меня правду, думая, что я не пойму. То, что ты мне рассказал, ничего не меняет. Я не хочу больше тебя видеть и не стану слушать советов, а тем более указаний по поводу того, что и как мне следует делать. Твои проблемы с законом — это твои проблемы, не мои. А сейчас убирайся и не смей возвращаться. — Жёстко и непреклонно высказался Кирилл, в конце монолога указав Анатолию на дверь.

— Ты! Сопляк! Да как ты с отцом раз... — Вскочив с кровати, разъярился мужчина, но, не успел он замахнуться, как тут же вылетел в мгновенно распахнувшееся окно.

Притормаживать его падение парень не стал, позволив со всего маху приложиться спиной о газон и, перекатившись несколько раз, остьаться лежать на траве, кашляя и болезненно постанывая.

— Забирай этого урода и проваливай. Чтобы ни тебя, ни его я больше не видел. Если попадёшься мне на глаза, попрошу Яншина, чтобы тебя посадили. — Проходя по холлу мимо сидящего в кресле Статника, не оборачиваясь бросил Кирилл и, не дожидаясь ответа, скрылся в другом коридоре. Статник прищурился и долгим взглядом посмотрел в спину удаляющегося юноши а потом, решив не дразнить зверя, поднялся и торопливо пошёл к выходу.